

Денис Чичерин, блистательный деспот

Сибирь XVIII века повидала немало ярких личностей, оставивших свой след в российской истории. Стали частью народной легенды рассказы о взлёте и падении Матвея Гагарина, первого сибирского губернатора. Достойна приключенческого романа судьба Фёдора Соимонова, пришедшего в Сибирь в кандалах, а вернувшегося губернатором. Но ни один из них не оставил в памяти потомков образ столь противоречивый, что и поныне одни считают его злодеем, самодуром с замашками садиста, другие – талантливым администратором, неутомимым радетелем о благе народном. Кто же он – сибирский губернатор Денис Иванович Чичерин?

Гвардеец

Своей необычной фамилией наш герой был обязан далёким европейским предкам – графам Чичерини. В 1472 году один из них прибыл в Россию в свите будущей царицы Софьи, дочери последнего византийского императора Фомы Палеолога. Довольно скоро Чичерини обзавелись русскими жёнами, поступили на государеву службу и со временем окончательно обрусели. При Петре I один из них дослужился до полковника, став комендантом Полтавы. Незадолго до этого, в 1720 году у него родился сын, имя которого позднее будут повторять с почтением – Денис Иванович.

Пятнадцати лет от роду он был зачислен в лейб-гвардии Семёновский полк – согласно новой традиции, заложенной Петром I, каждый дворянин обязан был служить. Военная карьера юного Чичерина складывалась весьма успешно: к 35 годам он дослужился до капитана и неоднократно выполнял «важные поручения» двора. Тем тяжелее был удар судьбы, обрушившийся на него 1 февраля 1762 года, - отставка. Чичерину было приказано оставить службу и отправиться в родовое имение Ильинское (близ города Белёв, Тульской области). В самом расцвете сил, на пике карьеры бравый гвардеец низвергнулся в болото унылой сельской жизни. Вряд ли горечь расставания с блестящим Петербургом смягчило присвоение очередного звания – Чичерин стал премьер-майором.

Указ был подписан новым императором Петром III в первый же день его весьма противоречивого царствования. Историки до сих теряются в догадках относительно причин столь внезапной опалы. Были тому виной происки недругов, нажитых за годы придворной жизни? Либо начался очередной передел власти, борьба за влияние на нового государя, молодого и неопытного? А, может, горячий гвардеец просто сболтнул лишнего, не сориентировавшись в хитросплетениях дворцовой «дружбы» – кто знает?

Впрочем, Чичерину повезло. Царствование Петра III стало одним из самых непродолжительных в русской истории. Не прошло и полгода, как он пал жертвой очередного переворота, а вскоре погиб при загадочных обстоятельствах в одной из загородных резиденций. На престол взошла его деятельная супруга, провозгласившая себя Екатериной II. Опала нашего героя закончилась в апреле 1763 года, когда он получил разрешение вернуться на службу. Правда, вскоре Чичерину придётся покинуть родную гвардию, ставшую к тому времени «кузницей кадров» для государственной системы. 10 августа 1763 года Денис Иванович был произведён в генерал-майоры и назначен губернатором Сибири.

Фаворит

С самого начала Чичерин оказался в большой фаворе у императрицы. В годы его правления власть сибирского губернатора, и ранее обладавшего немалыми полномочиями, стала поистине безграничной. В распоряжение нашего гвардейца были переданы все расквартированные в губернии войска – как полевые, так и гарнизонные. При этом Чичерин получил право по своему усмотрению присваивать подчинённым обер-офицерские звания до капитана включительно. Также в его ведение перешли ямщики, таможи и магистраты, ранее

подчинявшиеся напрямую центральным ведомствам в Санкт-Петербурге. Право назначения управителей уездов было изъято у Сибирского приказа и передано губернатору.

Своего апогея могущество сибирского вельможи достигло в январе 1764 года. Тогда Чичерин обратился к императрице с просьбой отменить для Сибири указ «о нестрелянии зверей и птиц весною», ссылаясь на важность этого промысла для местного населения. В ответ Екатерина II не только согласилась с его доводами, но и позволила впредь сообщать ей о тех распоряжениях и указах, выполнение которых, по мнению Чичерина, будет нецелесообразно для Сибири.

Надо признать, что властью своей Денис Иванович распорядился весьма разумно. Действуя в духе «просвещённого века», он открыл в Тобольске геодезическую школу, учредил аптеку, построил каменный госпиталь и завёл рабочий дом, где ссыльные могли зарабатывать себе на пропитание. Благодаря его содействию в Тобольске появилась и первая банковская контора с капиталом в миллион рублей ассигнациями.

Особого внимания губернатора требовала Восточная Сибирь, освоение которой отвлекало огромные ресурсы. Одним из главных препятствий была неразвитость путей сообщения и малонаселённость этих обширных пространств. Дорога из Тобольска в Иркутск оставалась запущенной и почти безлюдной. В некоторых местах, чтобы добраться до следующего зимовья (избушки с сараем для лошадей) путники должны были преодолеть по заснеженной пустыне 150, а то и 200 вёрст.

Первое время предлагалось поселить вдоль дороги ссыльных, но Чичерин отверг этот вариант. «Варнаков» было не так уж много, да и не хотелось доверять содержание стратегического объекта клеймённому народу. Вместо этого он обратился к Екатерине с просьбой набирать для этих целей сибиряков, годных к воинской службе, и поселять их вдоль дороги вместе с семьями. При этом поселенцы вычитались из общего числа рекрутов, которых должна была поставить Сибирь. И снова императрица прислушалась к мнению своего фаворита.

В итоге за несколько лет тракт был фактически проложен заново и заселен. Со временем к поселенцам-крестьянам добавили некоторое количество ссыльных, которые уже не могли испортить общей картины. На всём протяжении тракта была создана сеть почтовых станций, отстоявших друг от друга не более чем на 25 вёрст. При этом водворение переселенческой семьи стоило не более 20 копеек, да и те позднее были возвращены казне.

Демографическая проблема, связанная с естественным в таких условиях преобладанием мужского населения, решалась не мене скоро - по-гвардейски. По настоянию губернатора епископ тобольский Варлаам запретил священникам венчать вдов и дочерей ссыльных с кем-либо из свободных людей. Меньше будет соблазнов бежать с поселения, - рассуждал Чичерин. Тюменскому же воеводе и вовсе было приказано собрать и выслать под караулом в губернскую канцелярию всех «праздных бездомных женщин, годных к замужеству» – для отправки их на пограничные линии.

Немало содействовал Денис Иванович и расширению границ империи. При его содействии была организована экспедиция Креницына и Левашова, в результате которой российское подданство приняли жители Алеутских островов. От сибирского губернатора мореходы не только получили людей, провизию и корабли, но и впервые узнали о настоящей цели этой секретной экспедиции. О значении, которое ей придавалось, можно судить по словам Екатерины, писавшей осенью 1765 года Чичерину: «С нетерпением ожидаю, что далее произойдёт».

Далее произошло немало событий, радостных и не очень. Отважные мореходы терпели крушения, зимовали среди диких племён, страдали от цинги, но вновь и вновь выходили в море, чтобы выполнить поручение императрицы. Они вернулись семь лет спустя, точнее, вернулся: в 1771 году Михаил Левашов прибыл в Санкт-Петербург в одиночестве. Его товарищ Пётр Креницын погиб по нелепой случайности за несколько месяцев до возвращения, перевернувшись в челне у берегов Камчатки. Оставшихся в живых повысили в звании и наградили рублём, а мёртвых... на их долю выпали могильные кресты на далёких

островах, да добрая память потомков. Империя расширялась, поглощая всё новые земли, и что значила для неё простая человеческая жизнь?

Христианин

Вряд ли возможно усомниться в христианских чувствах нашего героя. Денис Иванович был человеком верующим, христианином в полном смысле этого слова. Он верил в бога, читал молитвы, причащался и держал посты, одним словом, делал всё, что полагалось делать доброму христианину. При этом он в полной мере разделял укоренившееся ещё с петровских времён восприятие православной церкви, как части государственной машины. Главной задачей её было поддержание «благонравия и смирения» в народной среде, а вовсе не духовные поиски и наставления. Волею Петра I церковь превратилась в обычное ведомство, содержащееся на казённые деньги и выполнявшее государственные поручения. Ликвидирована была даже тайна исповеди: священникам предписывалось доносить о поведанных им «умыслах против державы и государя».

Неудивительно, что новый властитель Сибири не сошёлся с её духовным владыкой – митрополитом Павлом Конюсевичем, доставившим немало хлопот ещё его предшественнику Фёдору Соймонову. Главным камнем преткновения в отношениях духовного и светского правителей стали старообрядцы. Ко времени Екатерины Великой стало ясно, что политика жесточайших репрессий в отношении староверов не оправдала себя и, по сути, зашла в тупик. Единственным «достижением» этого религиозного террора стало бегство десятков тысяч «раскольников» на окраины империи – в Сибирь, Алтай, Польшу.

Попытки силой заставить староверов повиноваться породили «гари» – массовые самосожжения. Самая страшная гарь произошла, по данным историка Сергея Турова, в ночь на 6 января 1679 года. Тогда на реке Берёзовке, в 12 верстах от Ялуторовской слободы заживо сгорели до 2700 старообрядцев, а Ялуторовский уезд опустел на несколько лет. Но и эта трагедия ничему не научила православных иерархов, гонения за веру продолжались. Результат оставался неизменным. Так 23 июля 1753 года в деревне Лучинкино Тюменского уезда в «гари» погибло около 200 старообрядцев. Десять лет спустя, в феврале 1763 года предали себя огню более 50 крестьян и ямщиков деревне Кулаковой.

Неудивительно, что новый губернатор с самого начала невзлюбил митрополита, которого сама императрица называла не иначе как «фанатиком». Все сообщения последнему передавались лишь в письменном виде, личные встречи были исключены. Порой противостояние двух властителей Сибири принимало весьма комические формы. Однажды стоило митрополиту начать в тобольском кафедральном соборе отправление службы в честь дня имени Александра Невского, как на прилегающей площади развернулось невиданное зрелище.

На глазах у изумлённой толпы к храму шествовал сам губернатор, облачённый в орденскую мантию ордена Святого Александра Невского, с обширной свитой в расшитых золотом мундирах. Поглазеть на столь редкостную процессию высыпал весь город, не исключая и пришедших на службу в собор. Потрясённые величественным зрелищем, тоболяки вопрошали друг друга: «Неужели ещё Соломон более сего был в славе своей?». Никто не слышал ни пения хористов, ни молитв преосвященного Павла, а по окончании службы толпа устремилась вслед за губернатором, оставив митрополита в одиночестве и даже не дождавшись пастырского благословения. Зеваки были вознаграждены: в тот вечер состоялся роскошный губернаторский обед, сопровождавшийся музыкой, грохотом орудий и несмолкаемой оружейной стрельбой.

Подобные казусы повторялись регулярно, для чего использовались самые невероятные поводы. К примеру, и митрополит, и губернатор были осведомлены о времени отхода соперника ко сну. Стоило задремать Чичерину, как преосвященный начинал ездить по Тобольску и все встречавшиеся на его пути церкви вынуждены были благовестить. В свою очередь, с наступлением времени сна митрополита губернатор устраивал концерт

военного оркестра, а то и учебные стрельбы – прямо под стенами Софийского подворья, резиденции Павла.

Однажды на Масленицу Чичерин отметился особенно дерзкой выходкой. Он поручил своим слугам нарядиться монахами и в таком виде обойти все кабаки и развратные дома Тобольска. Можно представить, какой удар это нанесло по репутации чёрного братства! В ответ разгневанный митрополит приказал в одной из тобольских церквей изобразить на картине Страшного суда... самого губернатора. Очевидцы утверждали, что портрет получился на славу: на стене был нарисован Чичерин в мундире и при орденах, а рогатые черти тянули его прямо в ад, подцепив крюком за толстый живот. Но всё же последний ход остался за губернатором, не исключая и этой истории. Узнав о мести митрополита, он заказал икону с тем же сюжетом (разумеется, заменив главный персонаж) и передал её в Аремзянскую церковь. Рассказывали, что Менделеевым, владевшим позднее Аремзянским стекольным заводом, приходилось каждый раз прятать злосчастную икону во время визита архиепископа. Там продолжалось до 1848 года, когда и церковь, и завод сгорели во время сильного пожара.

Финал этого противостояния был вполне закономерен: светский властитель одолел духовного. В 1768 году тобольская митрополия была упразднена, на смену ей пришла епархия. Сам Павел, активно протестовавший против проводившейся в то время Екатериной II секуляризации (т.е. изъятия) церковного имущества, был отозван в Санкт-Петербург. В столице ему объявили о снятии с Тобольской кафедры и направлении в Киево-Печёрскую лавру. Прошло ещё два года и провидение поставило последнюю точку в затянувшемся противостоянии: в возрасте 65 лет инок Павел покинул этот мир и был погребён в склепе лавры. На тобольской кафедре его сменил смиренный архиепископ Варлаам, с которым у Чичерина с самого начала установились прекрасные (хотя и неравноправные) отношения.

«Бешеный конь»

Но деятельная натура Дениса Ивановича не дала ему успокоиться. Губернатору мало было сменить духовного владыку, он хотел полного и безоговорочного подчинения всего духовенства. Поводом для новой акции по наведению порядка стали нарушения в уплате так называемых «штрафных денег». Православная церковь в России того времени была своего рода духовным аналогом государства. Правда, в отличие от светских властей священнослужители требовали не уплаты налогов, а исполнения обрядов и ритуалов. Государство контролировало поступки подданного, церковь – его мысли и чувства.

За «небытие у исповеди и святого причастия» церковники налагали денежные штрафы и, как это нередко бывает, вокруг «штрафных денег» сложилась целая система злоупотреблений. Зачастую провинившиеся просто откупались от наказания, а священники брали деньги себе, не указывая их в ведомостях. Спрос на подобные услуги был очень велик, ведь в Сибири с давних пор проживали тысячи староверов, не признававших официальной церкви и её ритуалов.

Проведав об этом, Чичерин пришёл в высшую степень негодования. По всем приходам губернии немедленно был разослан указ, согласно которому сельские старосты и сотские также должны были вести списки «нетчиков» и присылать их в канцелярию – для сравнения с данными духовного ведомства. Вскоре губернатор и архиепископ были завалены кипами бумаг, наполненных противоречивой информацией. Данные священников и старост не совпадали и разобраться, кто из них ошибался, было практически невозможно. В итоге сборы «штрафных денег» стали ещё хуже, а Чичерин получил в 1771 году «высочайший выговор».

В ответ разъярённый губернатор объявил настоящую войну казнокрадам в рясах, лично отправившись «ревизовать» губернию. И горе было попам, оказавшимся у него на пути! Практически в каждом селении он изымал церковные документы, а самих попов сажал в «холодную», либо отправлял под караулом в Тобольск с приказом: всех, кто не составил списки, «держат без выпуска в цепях под караулом и денно-нощно к тому принуждать». По

большому счёту, и эта кампания не достигла своей цели. Заслышав о приближении грозного начальника, священники просто разбежались. Навстречу губернатору выходили попадья или какой-нибудь дьячок, чтобы промямливать: батюшка «отъехал к боли, когда будет назад – неведомо», а сыскать его никак нельзя, потому как поехал он «не в одно место, а приходы безмерны во все стороны». Одураченный Чичерин пылал гневом, но выплеснуть его было не на кого. Да и арестованные попы даже поротые и сидя на цепи часто не могли восстановить списки, которые не велись столько лет.

Но всё же «бешеный конь» мог быть доволен, его старания оказались не напрасны. Сам владыка Варлаам расписался перед ним в своём бессилии, признав, что не контролирует ситуацию в епархии и не может ни на кого положиться, поскольку все вокруг «ослушники, огурники, супротивники и коварщики». Отныне в Сибирской губернии был один настоящий хозяин – губернатор.

Спаситель

Именно так, без тени иронии называли Чичерина и долгие годы спустя. Надо признать, что звание своё Денис Иванович действительно заслужил. Именно он спас Сибирь от разорения, остановив жестокого супостата, чьё имя стало синонимом русского бунта, бессмысленного и беспощадного - «пугачёвщина». Беглый донской казак Емельян Пугачёв, выдававший себя за чудом спасшегося Петра III, поднял восстание в сентябре 1773 года. Подобно раздуваемому ветром пламени, оно в мгновение ока распространилось на обширную территорию и вскоре докатилось до Урала.

Первое время Чичерин не обратил особого внимания на донесения о мятежниках, ограничившись посылкой на Урал отряда «выписных казаков». Однако войска, на которые возлагались такие надежды, проявили себя не лучшим образом. В первых же боях казаки и служилые татары перешли на сторону повстанцев и отправились вместе с ними осаждать Челябинск и Екатеринбург. Тем временем передовые отряды мятежников двинулись по тракту в сторону Тюмени.

Угроза, нависшая над одним из главных городов губернии, отрезвила её правителя. Чичерин вновь проявляет свои лучшие администраторские качества, разворачивая бурную деятельность – в этот раз на военном поприще. Начали, как водится, с успокоения общественного мнения и устрашения неприятеля. Денис Иванович объявил во всеуслышание, что для усмирения мятежников в Сибирскую губернию отправлено пять полков солдат. Некоторое время спустя ему пришло письмо от командующего царскими войсками Бибикова. Генерал писал, что ничем помочь не может, но историей о пяти полках «особливо доволен». Крестьяне же «пусть, полагая на то надежду, пребудут в неперменной верности».

Меж тем ревизия вооружённых сил губернии выявила картину весьма неутешительную. Вся артиллерия Тюмени и уезда состояла из шести чугунных пушек, которые «весьма поржавели и з большими раковинами, а лафеты и колёса под ними от ветхости уже и вовсе развалились». Местные власти вооружили и привели в боевую готовность сотни горожан, но как могли они сдержать натиск многотысячной пугачёвской рати? К тому же за спиной государевых слуг точила ножи (в прямом смысле этого слова) «пятая колонна» в лице бесчисленных каторжан, озлобленных на всех и вся. В одной только столице губернии их насчитывалось около тысячи.

Действовать пришлось на всех фронтах одновременно. В Тобольске починили и установили на лафеты пушки, поправили земляной вал, очистили ров и ввели комендантский час (с 11 вечера). В Тюмени отремонтированные пушки водрузили на дровни и расставили по земляному валу в районе Спасской церкви, а все подъезды к городу перекрыли рогатками. В деревнях и вовсе приказано было все дороги перекопать, завалить и поставить рогатки, оставив лишь один путь для въезда-выезда. Что касается пропагандистской войны Чичерина, то главным козырем её стала приостановка сбора податей, столь ненавидимых крестьянством.

Можно только гадать, помогли бы сибирскому губернатору его пушки, дойди пугачёвцы хотя бы Тюмени. 22 февраля 1774 года передовые отряды повстанцев уже подошли к Тугулымской слободе и тюменский комендант честно признавал в донесении, что застава против мятежников выставлена «весьма жалкая», а солдат в городе не более 50 человек и потому «злодейский путь их по дороге воспрепятствовать нечем, и город Тюмень от нашествия оных злодеев обстоит в крайней опасности». Однако... фортуна вновь проявила благосклонность к своему фавориту.

Вскоре грозная волна покатила обратно на запад. Пугачёв не смог взять осадой Екатеринбург, Шадринск и Далматовский монастырь, сдал Челябинск и перешёл от наступления к обороне. Карательные отряды, посланные Чичериным, восстановили контроль над Екатеринбургским трактом и успешно зачищали одну волость за другой. Пойманных бунтовщиков ожидали (на выбор немилосердных судей): расстрел, повешение, либо битьё кнутом с вырыванием ноздрей и выжиганием на лице позорных знаков: Б (бунтовщик), Л (ложной), Р (разгласитель), З (злодей), И (изменник). А для закрепления в народной памяти полученного урока во многих сёлах были демонстративно установлены орудия казни: виселицы, колёса для колесования и глаголи с крюками, цеплявшимися за ребро.

Внутренних смутьянов также своевременно выявили и примерно наказали. В одной только Тюмени было арестовано 60 ссыльных, сговорившихся при появлении пугачёвцев вырезать местную администрацию. Многие из них отошли в мир иной ещё в ходе следствия (точнее, в результате него – не выдержав пыток), два главных заговорщика были повешены, а остальных сослали на каторжные работы ещё дальше – в Восточную Сибирь. И воцарился мир...

Отец!

«Отца родного не надо как Денис Иванович: поучит, а несчастным не сделает», - так, по сообщению современников, отзывались о губернаторе жители вверенного ему края. Сложно сказать, какова в этих словах доля традиционного российского мифа о «хорошем» начальнике – «суровом, но справедливом». В одном можно не сомневаться: Чичерин был явным поклонником «Домостроя». За порядком он предпочитал следить лично, вникал во всё и вся, карал нещадно – без судов и прочих церемоний, – но и жаловал тоже от души.

Долго ещё вспоминали тоболяки его ночные объезды, обычно по осени, когда Денис Иванович в сопровождении гусар посещал вызывавшие у него наибольшее подозрение места, немедленно наказывая виновников беспорядка. В будний летний день он любил наведываться в окрестные деревни и несладко приходилось крестьянам, замеченным в безделье или неряшестве. Безалаберность «замерзлого в своём упрямстве народа» временами приводила Чичерина в крайнее негодование. В результате на свет божий появлялись десятки указов, грозивших строгими карами за, казалось бы, незначительные проступки.

Так, за вываливание навоза и прочих нечистот в черту города велено было, в первый раз – бить плетью нещадно, вторично же пойманных – бить кнутом и сослать в Нерчинск на каторгу. Причём за исполнением сего указа круглосуточно наблюдали патрули из 24 конных гусаров и такого же числа пеших гренадёров! Лихачей, уличённых в «скорой езде» предписывалось брать под караул и представлять в губернаторскую канцелярию. Сваленные на улице дрова реквизировались в пользу госпиталя, туда же отправлялся оставленный на улице без присмотра пастуха скот («для порции больных»). С бродячими собаками обходились и вовсе сурово: «где б они собаки не были, то оных колоть», - заявил Чичерин.

Впрочем, ненамного легче приходилось и двуногим слушникам губернаторских приказов. Купца Мисаилова, не сообщившего в полицию о прибывшем к нему госте, он велел посадить на цепь и в течение трёх дней держать на хлебе и воде. Хозяйина дома, возле которого сломала ногу в прохудившейся мостовой лошадь полковника Булгакова, губернатор приказал высечь на рынке плетью под барабанный бой, после чего выбрить голову и отправить на двухмесячные каторжные работы. Решительные меры предлагались и в борьбе с воровством. В одном из своих «ордеров» Денис Иванович настаивал на том,

чтобы каждый хозяин держал в доме заряженное ружьё и мог сам задержать нарушителей. При этом рекомендовалось стрелять по ногам – «дабы чрез то можно было всю сию злодейскую шайку собрать». Но истинным апогеем чичеринского законотворчества по праву считается указ от 22 октября 1776 года. В нём неугомимый губернатор предписывал... «вымораживать тараканов» во всех харчевнях и пекарнях – по случаю наступления холодов.

Однако недаром Николай Карамзин, как никто иной познавший суть русского характера, замечал, что строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. И уж, наверное, нелегко далось властному Чичерину это признание: «отдаваемые от меня полиции приказы действие своё имеют никак только один день...».

Барин

Мы бы погрешили против истины, если б представили нашего героя сухим прагматиком, чуждым радостей жизни. Наряду с делами государственными Денис Иванович немало радел и о собственном интересе, благо возможностей для этого у него было предостаточно. Каждый день Денис Иванович собирал за своим столом не менее 30 человек, а его личная дворня насчитывала 150 гайдуков, скороходов и прочих слуг. Сохранились красочные описания губернаторских празднеств, на которые собирался весь свет сибирской столицы. Так, на масленицу Чичерин обычно усаживался в огромные, устланные коврами сани и в сопровождении гайдуков и драгун отправлялся в путь по улицам Тобольска. Подъехав к заранее намеченному дому, он поднимался на крыльцо, брал под руку хозяйку и под музыку сопровождавшего его оркестра проходил через все комнаты – непрестанно пританцовывая и вовлекая в танец всех присутствующих. Совершив «круг почёта», весёлый губернатор уводил с собой хозяев и отправлялся к следующему дому. В итоге собирался большой санный поезд, который объезжал весь город, чтобы в итоге прибыть к губернаторскому дому на грандиозное пиршество.

Народная молва сохранила истории и о других, куда менее благовидных деяниях всемогущего вельможи. Тобольский губернатор Александр Тургенев писал полвека спустя, что Чичерин «делал ужасающие варварства» и нередко приказывал «пленных польских конфедератов и других сосланных привязывать к толстым брёвнам по дюжине и более... и сталкивать их с крутизны над оврагом в трёх или двух верстах от Тобольска». Впрочем, историки не склонны особо доверять подобным рассказам, опирающимся исключительно на «народные предания», порой приобретающие совершенно фантастические формы.

Как бы то ни было, Чичерин долгое время пользовался едва ли не полным доверием императрицы. В личной переписке с Екатериной II, он обсуждал всё – от государственных дел до фасонов платьев придворных щеголих. Знаком высочайшего доверия стало высочайшее дозволение чеканить на месте особую, сибирскую монету – во избежание задержек и затрат, связанных с доставкой казны из столицы.

Но ничто не вечно в нашем мире и эта идиллия не стала исключением. В 1768 году правительство приступает к созданию в Сибири казённых хлебозапасных магазинов – своего рода складов на случай неурожая. О том, что произошло дальше, мнения расходятся. Денис Иванович утверждал, что выделенного на эти цели 1 миллиона рублей было недостаточно и потому допустил, мягко говоря, превышение сметы – почти в три раза. Назначенное по этому поводу расследование вроде бы подтвердило правоту губернатора, установив, что средства действительно были потрачены на спасение сибиряков от голода, но... прежнего доверия императрицы Чичерину вернуть уже не удалось. Его прошение об отставке было удовлетворено лишь в 1780 году, спустя почти шесть лет после его подачи. Молва говорит о несметных богатствах, якобы вывезенных Чичериным при возвращении в своё родовое имение. Но пройдёт ещё пять лет и все сокровища мира померкнут в его глазах, а неугомимый дух обретёт наконец-то покой – вечный покой...

Вставка

«Хотите ли понять Чичерина, вот черты его!... По крутости характера праводушный начальник легко выходил за пределы власти; но при самоуправстве, которое делало его страшным в народной молве страны, он скоро смягчался, в беседе любезничал, любил весёлое препровождение времени... Имя его, как классическое, сохраняется в памяти Сибири».

Пётр Андреевич Словоцов, «Историческое обозрение Сибири»